Суверенитет – главный таран либерального мейнстрима Запада

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Еще недавно господствовавший на идеологических просторах Запада либеральный мейнстрим сталкивается сегодня со все более экзистенциальными для себя вызовами. Он все в меньшей степени способен давать соответствующие духу и потребностям времени общественные ответы. Это особенно заметно в США, но также проявляет себя и в Европейском союзе, несмотря на жесткие либеральные установки Брюсселя. В обоих случаях главным тараном либерального мейнстрима становится национальный суверенитет.

Содержание

1 Как сегодня выглядит политический мейнстрим на Западе?
2 Европа вслед за США
3 Суверенитет как таран либерального мейнстрима

Недавно в столице Венгрии состоялась большая международная конференция «Будапештский глобальный диалог». Ее основные организаторы из Венгерского института международных дел стремятся учредить масштабную площадку для дискуссий о ключевых вызовах современности. При этом, как и венгерское правительство во главе с Виктором Орбаном, они опираются на консервативную политическую идеологию и школу реализма в международных отношениях. В итоге конференция получилась подчеркнуто критической по отношению к либеральному западному мейнстриму.

Как сегодня выглядит политический мейнстрим на Западе?

Правда, с каждым новым днем работы администрации Дональда Трампа все уместнее звучит вопрос: а что сегодня вообще собой представляет политический мейнстрим на Западе? Насколько он все еще либеральный? В США уже точно можно констатировать постепенное смещение мейнстрима с левоцентристских

позиций куда-то правее, с повсеместно доминировавшего либерализма к несколько большему консерватизму. По крайне мере, в социально-политической повестке дня. Эта тенденция еще в начальной стадии. Ее траектория совсем не предопределена. Но ее развитие очевидно.

Даже если уже на следующих выборах в Конгресс и затем на президентских выборах в США вновь победят демократы (а именно они последние десятилетия все же являлись главным воплощением леволиберального мейнстрима), нет никаких причин ожидать, что идеологически все просто вернется на дотрамповские круги своя. Потому что дело не в Трампе или различных течениях внутри Республиканской партии. Избрание Дональда Трампа после перерыва на второй президентский срок – это отражение, а не причина глубинных трансформационных процессов в американском обществе и вызванных ими изменений в политических предпочтениях граждан. А реальная причина этих процессов в другом, и она лежит на поверхности.

> Любая политическая идеология, даже самая популярная и кажущаяся безупречной в теории, при соприкосновении с реальным миром выходит из идеальных «лабораторных» условий, в которых невозможно предусмотреть всю сложность устройства и динамики обществ.

Даже если на каком-то этапе идеология полностью соответствует духу и потребностям времени, то это не «конец истории», а просто отражение сложившихся здесь и сейчас условий.

А «конца истории» просто не бывает. Потому что мир в целом и конкретные общества не могут быть статичными. Они везде и всегда изменяются под влиянием постоянно возникающих новых факторов, конфликтов интересов и открывающихся возможностей. Чтобы доминирующая идеология могла оставаться эффективной, ей необходимо постоянно адаптироваться и модернизироваться в соответствии с изменениями в обществе. Но это едва ли возможно на по-настоящему долгих исторических отрезках.

Победа западного капиталистического блока в Холодной войне и последовавший за этим период расцвета однополярной глобализации естественным образом привели, притом не только на Западе, к эйфории по поводу либеральной идеологии. Поэтому даже теоретически сомнительная идея о «конце истории»

получила такую популярность и на полном серьезе очень долго задавала тон политических и интеллектуальных дискуссий по всему миру. В некоторых западных столицах она и сейчас продолжает это делать.

Однако западный либеральный мейнстрим, основанный на представлениях о непревзойденной эффективности рыночной экономики и электоральной демократии, а также примате индивидуальных прав человека все менее способен давать удовлетворительные ответы на вызовы современности. То, что два-три десятилетия назад казалось чуть ли не идеологической Библией, сегодня часто даже не воспринимается всерьез. Как показали пандемия коронавируса и потрясения на фоне множащихся военных конфликтов, большинство западных правительств сами, когда ситуация прижимает, не следуют заветам этой «Библии». И это нормальная реакция на изменяющиеся условия, естественная адаптация.

Европа вслед за США

Поэтому можно констатировать, что идеологический кризис мейнстримного либерализма на Западе – это не временное явление. Либерализм как практическая модель устройства общества и международных отношений, как мы его знали долгие десятилетия, уходит в историю. Он уже не сможет просто вернуться. Он может только переродиться в каких-то новых формах.

> И наверняка именно так и будет: идейный базис либерализма продолжит конкурировать с таким же идейным базисом других основных идеологий. Главным образом, консерватизма и социализма. Но все они, чтобы политически выжить и сохранять актуальность, будут неизбежно принимать какие-то новые формы.

Другое дело, что прямо сейчас идеологический кризис на планете в той точке, когда понятно, что «верхи не могут, а низы не хотят». Но пока нет серьезных интеллектуальных предложений о новых моделях, которые позволят и «смочь», и «захотеть».

В Европе, особенно в рамках институтов ЕС в Брюсселе, политический мейнстрим пока остается либеральным. Работает по накатанной. Хотя и там уже очевиден наметившийся поворот вправо. Он происходит по тем же причинам, что и в США: либеральный идеологический каркас все в меньшей степени соответствует современным потребностям этого объединения и входящих в него государств.

Для Европейского союза это, вероятно, будет даже более острой проблемой, чем для США. Потому что ЕС сталкивается с намного более серьезными и потенциально экзистенциальными для себя вызовами по мере трансформации ранее однополярного мира в сторону какой-то модели многополярности. Либеральный политический мейнстрим пока просто не может предложить Европейскому союзу никакой соответствующей новым реалиям эффективной идеологической платформы. А продолжать слепо следовать привычным идеологическим мантрам в кардинально изменяющихся международных условиях – значит еще больше подрывать свои конкурентные позиции в мире.

Суверенитет как таран либерального мейнстрима

При этом если посмотреть на принимаемые сейчас в ЕС решения и особенно на действия Еврокомиссии, главного наднационального органа объединения, то складывается впечатление, что все совсем не так. Брюссель продолжает жить в мире окончательно и бесповоротно победившего либерализма. И продолжает требовать того же от государств-членов ЕС, кандидатов на вступление в союз, да и от всего остального мира. Для усиления требований широко вводятся разного рода санкции и ограничения: как в Европе, так и за ее пределами.

Все это вызывает естественную реакцию отторжения со стороны все большего количества стран, которые становятся объектами требований или санкций Брюсселя. Или которые просто не согласны с генеральной линией Еврокомиссии, не хотят, чтобы какие-то неизбираемые никем ее чиновники принимали за них решения по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Последняя в ЕС формируется консенсусом государств-членов, то есть на межгосударственном, а не наднациональном уровне. Но при этом и в ней сложно не видеть существенного влияния не особо гибкого «наднационального нарратива» из Брюсселя, который стремится держать внешнюю политику и отдельных членов, и всего союза в едином идеологически верном русле.

> В итоге неизбежно и во все больших случаях, пусть и не всегда резонансно, происходит столкновение наднационального и национального, брюссельских институтов и правительств государств-членов.

То есть столкновение базирующегося на национальном интересе суверенитета в странах-членах и либерального мейнстрима в институтах ЕС. Это столкновение сегодня можно назвать главной линией напряженности и даже конфликта внутри

Европейского союза. С течением времени раскол и конфликт по этой линии будут лишь углубляться и усугубляться.

В этом смысле именно национальный суверенитет становится главным тараном пока сохраняющего мейнстримные позиции либерализма в ЕС. Не удивительно, что большинство дискуссий на недавно прошедшей конференции «Будапештский глобальный диалог» были так или иначе посвящены именно теме суверенитета.

По социально-экономической и внутриполитической повестке многие ее спикеры напоминали Еврокомиссии и другим брюссельским институтам о непреложной ценности принципа субсидиарности. То есть практики принятия решений на как можно более низком уровне, как можно ближе к людям и местностям, которые непосредственно затрагиваются теми или иными проблемами. А по внешнеполитическим вопросам Брюссель не без оснований обвиняли в попытках не мытьем так катаньем подмять под себя исключительные полномочия и компетенции национальных правительств в ущерб даже базовым интересам государств-членов.

Содержание дискуссий на будапештской конференции и их пафос отсылали к старой доброй мудрости о том, что «суверенитет для сообщества является тем же, чем свобода для человека». И чувство тяги к нему обладает удивительной объединительной и прорывной силой.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»